

A $\frac{266}{1009}$

Л 206
1009

Д Ъ Д Ы.

*(Этнографическій очеркъ изъ жизни
Лепельскихъ бѣлоруссовъ).*

ВИТЕБСКЪ.
Губернская Типо-Литографія.
1898.

А 266
1009

Д Ъ Д Ы.

*(Этнографическій очеркъ изъ жизни
Лепельскихъ бѣлоруссовъ).*

ВИТЕБСКЪ.
Губернская Типо-Литографія.
1898.

Дозволено цензурою 26 іюня 1898 года. Вильна.

2007042189

Д Ъ Д Ы *)

(Этнографическій очеркъ изъ жизни Лепельскихъ бѣлоруссовъ).

I.

Вы, я думаю, знакомы, м. г., съ Микитой Перуномъ. Правда, онъ не приходится „съ родни“ тому Перуну, который нѣкогда поражалъ громомъ и молоньей обитателей подлунной, но, по увѣренію деревни Подмикитовки, „усякій чловѣкъ знаить Перуна“. Если же его не знаете, то съ перунятами навѣрно встрѣчались: перуняты—люди бывалые, особенно Егоръ Перуенокъ. Каждый годъ они ходятъ по вольному „прашпорту“ на заработки. Бываютъ они и въ Питерѣ на фабрикахъ (гдѣ „колеса день и ночь бѣгаютъ“),

---

*) Дѣдами у бѣлоруссовъ принято называть дни поминовенія усопшихъ.

бываютъ и въ „губерніи“ *). По правдѣ гово-
ря, „губернію“ они знаютъ не хуже ближайшаго
мѣстечка М. Часто можно слышать ихъ рассказы
о томъ, что „въ губерніи живутъ разные господа
и одежда у нихъ разная... У однихъ шапки во
гѣдакіи, а у другихъ во етакіи... И дома разные
— больше высокіе съ досками написанными и
безъ досокъ. Опять ёсть и засѣданіи усякіи...
Не то, што у насъ: волоская, винополія, царква
— и все, а тамъ и суды усякіи и такъ... люди
пишуть бумаги... Для чаго пишуть?— Пояснялъ
обыкновенно младшій Бонадысь своимъ односель-
чанамъ: мало для чаго пишуть!.. Для того и гу-
бернія... Одни пишуть, другіи читають... Да-а!..
А ёсть и такіи, што не пишуть, не читають, а
такъ гуляють и гуляють... Ну, другій посмотри
што... Напримѣръ приставленья разные, кіатры...
Таперь опять машину по дроту наводятъ... гѣто
проста машина по дроту пойдётъ и пойдётъ...
Да-а!... Въ одномъ концѣ пуцають, а у другомъ
пиріймають... Вѣрно... Да, усячина у губерніи
бываить... Ета не то, што наша деревня!..“

И упомянулъ о Перунѣ потому, что сегодня
дѣды, а еоль скоро „дѣды“, значить у него, а
равно и во всей Подмикитовкѣ будетъ „столь“,

---

*) Губернскій городъ.

т. е. будутъ поминать „змардлыхъ“ вкусными яствами, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Подмикитовцы поминаютъ дѣдовъ 5 разъ въ годъ, тогда какъ сосѣдніе зарѣчане поминаютъ 6 разъ, но и тѣ и другіе идутъ по обычаю „съ прадрѣвкѣ заведенному“, и антогонизмъ по сему предмету, если и былъ раньше, то въ настоящее время значительно поубавился, благодаря тонкой политикѣ Рипины зарѣчанской, которая, стоя на нейтральной почвѣ, доказала мужчинамъ, что „ты дѣды сами по сабѣ, а гѣты сами по сабѣ“. Я не скрою отъ васъ, м. г., что Перунъ сталъ усердно почитать номинальные дни всего лишь года 2 тому назадъ, а раньше этого времени онъ чуть-чуть не свихнулся съ прадрѣдовской колеи. Да!.. И и съ старыми людьми такія притчи утворяются! „Зачѣмъ гѣта, говорилъ онъ, и горѣлку пьютъ, и подсвинковъ поджариваютъ, и напекаютъ и навариваютъ... Другіи цѣлый мѣсяцъ и не ѣсть и не пьеть, а на дѣды уже наидицца, чуть не лопаицца!“..

Мнѣ кажется, что говорилъ онъ такъ подъ влияніемъ своихъ сыновей, вносившихъ въ Подмикитовку городскіе обычаи, и жестоко заплатилъ за свое свободомысліе. Дѣло въ томъ, что... Нѣтъ, я лучше все расскажу по-порядку.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, наканунѣ „Радуницы“ шли подмикитовцы „гостинцемъ“ какъ

разъ въ томъ мѣстѣ. гдѣ „панская земля начи-
нается“. Шли подмикитовцы за горѣлкой и у
каждаго хозяина была либо бутылка, либо боче-
нокъ (безъ горѣлки, известное дѣло, дѣловъ не
справить!). Напрасно бы вы всматривались въ
грубыя, загорѣлыя лица и сивыя бороды: Перу-
на здѣсь не было. Онъ, какъ ни въ чемъ не бы-
вало, пахаль свою полоску и по временамъ по-
крикивалъ на свою кобылешку: „ближе, бли-и-же,
вовчиное мясо!.. Ишь ты, кабы тебе ракъ сто-
чю!.. Што на солнце глядишь?.. Еще высоко!“ —
„Вотъ спущусь къ лѣсу, къ лужайкѣ и отдохну,
думалъ дѣдъ, подѣвзая къ лѣсу. Кобыла опять
покульгиваить!.. Нужно у Петрока заливки взять...
Опять у боку рѣжить, вотъ рѣжить, да рѣжить...
Богъ вѣдаить съ чаго гѣто рѣжить... Охъ-хо-хо!
Тпру! Стой ты, дукая!“ Перунъ высоко поднялъ
соху и ударилъ въ землю. Опершись на ручку
сохи и приложивъ ладонь ко лбу, долго посматри-
валъ онъ на западъ.

— „Гм... Не далеко и до вечера! Недалеко-о!“
сказалъ онъ и, опустивъ голову, погрузился въ
глубокую думу. Много мыслей роялось въ старой
головѣ. Вотъ теперь новые порядки въ волости,
а мужику все плохо, а отчего плохо? Конечно,
писарь... Нда, писарь ни того... Сынъ Банадысь
ушелъ на заработки... Ну, онъ ловкій малецъ: не
прападетъ! Не пишетъ вотъ только. Телѣгу опять

чинить надо... Непремѣнно надо... Расходы, расходы, а доходовъ нѣтъ... Кузьма Пэцкаль померъ... Съ чего бы и помирать? Всего довольно было („Нихай со святыми отпочиваить!“ мысленно прибавилъ дѣдъ)... „А жонка моя, продолжалъ думать дѣдъ, не тикавая“ *)... Завелася съ Христиной и за што?—Смѣхъ одинъ!... Не тикавая жонка!.. Съ Просковьнаго роду ня дужа жонки вядуцца“...

Занятый своими мыслями, дѣдъ и не замѣтилъ, какъ отъ ручья спустилась къ нему вышепоименованная толпа подмикитовцевъ.

— Помогай Богъ! загомонили сосѣди Перуна на разные голоса.

— Динькую!.. Што жъ ужѣ къ Янкелю?

— Къ Янкелю, за горѣлкой, Перунъ Астаповичъ!

— Хай ее, гѣту горѣлку!—Гѣта горѣлка у пуста!..

— А самъ селѣта **) не будешь братъ?

— Не буду, дадуши-жъ ***) не буду, категорически заявилъ Перунъ... Кабъ яе и дѣткамъ моимъ не знать. Нихай ужѣ добрые людцы

---

*) Не далекаго ума, не имѣющая за собой особыхъ достоинствъ.

**) Въ этомъ году.

***) Блѣтвенное увѣреніе.

пьють!.. А я... который годъ я кѣнуу пить и такъ ладно: и здоровѣи и не такъ сосеть коло сердца... Ну ты, чаго заглядѣлась, обратился онъ къ лошаdkѣ, заворачивая ее въ борозду. Бли-и-и-жи! И-и-шь ты!“..

— Глядишь, Перунъ, кабъ табѣ чаго не приключилоя, зашамкаль велѣдъ ему осунувшійся, почернѣвшій, съ открытой грудью старичокъ, по выраженію подмикитовской молодежи, „усе ров-но, штѣ земля“. Этотъ старичокъ и есть тотъ самый Терезка, котораго вы часто замѣчали, когда проѣзжали черезъ Подмикитовку. (Онъ сидитъ всегда на заваленкѣ и нюхаетъ табакъ съ непломъ). Терезка—лучшій истолкователь (я не беру въ сравненіе Рипину зарѣчанскую) „старосвѣтскихъ установовъ“ и грозный обличитель „панскихъ выдумокъ“, основанныхъ, какъ извѣстно, на „пустой блажѣ“. Перунъ не придалъ тогда значенія „карканью“ Терезки, и на обычные протесты бабъ своихъ, что, какъ же, дескать, можно безъ дѣдовъ, гдѣ такой чловѣкъ, который безъ дѣдовъ обходится, махнулъ рукой и съ ироніей замѣтилъ: усѣ гѣто пустое... бабскіи забобоны... Дѣды сами по сабѣ, а мы сами по сабѣ... И горѣлки брать не буду!... Нисколько!... Хоть кварту? И кварту не возьму... На что горѣлка? Выпить?... воды выпей... Баба, горѣлки ей купляй... Дитямъ? На што дѣтямъ? Икая зъ яе

польза?... У ты, старая кочерга... Хоть полкварты? Не, выхворѣть твоя голова: жива и безъ горѣлки будешь“.

...Такъ говорилъ дѣдъ и рѣчь его сугубо была неприятна его благовѣрной Авдули, жевцинѣ, хоть и „не тикавой“, но зато ревностной послѣдовательницѣ Терезки—толковника. Такъ и легли безъ „дѣдовъ“. Между тѣмъ, „карканье“ Терезки даромъ не прошло... Въ эту достопамятную ночь случилось... Да, случилось, м. г., необыкновенное происшествіе. Подробностей передавать вамъ не буду, потому есть много трусливыхъ людей, неравно кто перепугается. Судите сами. Явился ночью въ Перунову хату „якій кто невѣдома откуда“ и прямо полѣзъ къ дѣду на печь, стянулъ его оттуда на припечекъ, съ припечка на полъ, а потомъ началъ водить по хатѣ и по истопкѣ *); въ истопкѣ обводилъ даже около кадокъ съ мякиной, а потомъ потянулъ на чердакъ, а съ чердака опять въ сѣни (тутъ дѣдъ объ лѣстницу головой ударился), да въ хату, да на припечекъ, да на печь. Тогда только дѣдъ опомнился, пережигнулся и рѣшилъ, что водилъ его никто иной, какъ небощикъ Кузьма Пѣц-

---

*) Вторая половина жилого дома, предназначенная для склада домашнего инвентаря и съѣстныхъ принадлежностей.

каль... „Правду кажутъ люди, не иди противъ старосвѣтскаго... Вотъ и ёсь гэта, разсуждалъ дѣдъ, ощущая на лбу цѣлые потоки холоднаго пота: „вотъ табѣ и дѣды“ и горѣлка... Столько лѣтъ жиу—ничего, а таперь... Надо будить Агакку, повросить, кабѣ отпѣла Пэцкаля... Жарты обводіу!.. У-у-ухъ! Во, кабѣ яго паль спалила! Повторялъ онъ, стараясь закутаться въ кожухъ и крестя ротъ... Надо справлять дѣды... Надо... Ничего не зробишь... Гэта не шутка! Вотъ табѣ и разъ!“.. И до утра не могъ дѣдъ свести глазомъ.

Подлинность совершившагося казуса можетъ подтвердить вышепоименованная Рицина, а равно и всѣ подмикитовскія бабы. Итакъ, можно ли не поминать яствами и горѣлкой? Именно, нельзя. И Перунъ, какъ указано выше, сопровождаетъ свои пожеланія дѣдамъ... „Легко икаться на томъ свѣтѣ“ выпивкой въ преизрядномъ количествѣ, твердо памятуя, что „не нами это заведено, не намъ и выводить и что „старикки увели, тое ни-хай до вѣку будить“.

II.

Теперь прошу васъ, м. г., обратить вниманіе на то, какъ ревностно готовится Перунъ и прочіе подмикитовцы къ „дѣдамъ“. Если отъ „гостинца“ поворотите къ рѣчкѣ, а отъ рѣчки на „косогорицу“, то отсюда можно уже видѣть, что

въ Подмикитовкѣ дѣлается. Вонъ смалять под-
свинковъ—предметъ хлопотъ нѣсколькихъ мѣся-
цевъ. Подсвинки скоро уже будутъ обмыты и по-
ступятъ въ распоряженіе хозяекъ, а хозяйки для
помина „змардлыхъ“ приготовить изъ нихъ пре-
красную уху и „поличастое“. А тамъ, около Та-
дэушевой хаты, уже начали мести улицу. Мужчины
затопляютъ бани и приводятъ въ порядокъ „дво-
ры“, а бабы моютъ хаты и домашнюю мебель. Онѣ
съ засученными рукавами, съ приподнятыми пола-
ми высбакиваютъ на улицу, выливаютъ цѣлые
„цебны“ грязи и тотчасъ же убѣгаютъ назадъ.
Работа вездѣ самая спѣшная. Шумъ, гамъ, бѣ-
готня... Чуть солнце повернуло съ полдня, какъ
показался дымъ изъ одной, другой трубы, а гдѣ
хатки курныя, тамъ изъ бокоушки.

У Перуна хозяйка Авдуля и двѣ ея невѣстки,
Просковья и Ганна, постарались раньше всѣхъ
приняться за работу. Еще у Тадэуша только во-
ду несли, а онѣ уже подчистили хату отъ порога
до нарѣ. Конечно, такая успѣшная работа зави-
сила много отъ энергіи Перунихи-Авдули, бабы
хоть и не „тикавой“, но весьма „тропатливой“ *).
Длинные лавки около стѣнъ вымыты и выскре-
баны ножомъ, огромный столъ съ двумя ящика-

---

*) Подвижной, быбкой на языкъ.

ми, въ которыхъ помѣщается до 2 пудовъ хлѣба, совсѣмъ выглядятъ новымъ. Замѣтите, какъ трудно невѣсткамъ съ работой управляться. Вѣдь вотъ въ этихъ двухъ колыскахъ, что привѣшены къ гибкимъ жердямъ около наръ, лежатъ ихъ крохотныя дѣвочки: нужно и колыхать, и соску давать, и въ работѣ не отставать. Перуниха, вѣдь, не зѣваетъ. Просковья убираетъ нары и въ то же время старается убаюкивать свою „ягодку“. Колыска подскакиваетъ высоко, а дѣвочка кричитъ „благимъ матомъ“ и этотъ „благій матъ“ переходитъ, наконецъ, въ неопредѣленное хрипѣніе.

— „Ну, тиху жъ, тиху, моя ягодка, старалась убаюкивать ее мать: тиху ты, опостылая! Ну, тиху жъ, моя ягодка! Ну, на-жъ сосочку, мое дитятко! Авой, неколи! Ну, цыцъ же, цыцъ! У-у! раскры-ы-чалася! Охъ, головка-а моя бѣ-ѣд-ная!“... Ребенокъ началъ стихать: убаюкиваніе ошеломляетъ его нѣжную головку, и Просковья хоть на минутку свободна. Теперь она присоединяется къ Ганнѣ и дружными усиліями сдираютъ онѣ огромный слой грязи около наръ. А еще подъ нарами работы „шмать“: вѣдь, сколько времени стояли телята и два ягненка съ маткой! Однако жъ и эти апартаменты вскорѣ приняли надлежащій видъ. Стало немножко свободнѣй. Теперь осталось вымыть „боговъ“, а тогда и за

котлы можно приниматься. Изъ краснаго угла были сняты три „боги“, изъ которыхъ одинъ „Ягорья“, побѣдившій „бязецнаго цмока“, окончательно почернѣлъ и выцвѣлъ. Всѣ „боги“ были тщательно обмыты, обтерты и завѣшены чистымъ полотенцемъ.

— „Ну, что жъ ты, Ганна?!.. И руки опустила! Што не видишь—солнце низко! Пошли вонъ вы, малыши! кричала Перуниха, перебѣгая изъ одного угла хаты въ другой и въ то же время разбрасывая подзатыльники малышамъ-внукамъ, просившимъ „хлѣбца“. Што нужно? На дво-оръ! Бѣгайте тамъ!“ выталкивала она ихъ. „А хлѣбъ подошду? а? Бери, Просковья, дежу! Што ты тамъ усе возисься со своей дѣвчонкой: не бось не раскричица!... Ну, бери дежу! Держи съ боку! Ну-у! Меси теперь...“ *) И невѣстки не знали ни отдыху, ни сроку.

Просковья начала орудовать съ дежой, въ которой было утворено хлѣба до 3 пудовъ, а Ганна, подъ руководствомъ Перунихи, начала разгонять прусовъ и таракановъ, царство которыхъ было расположено на печи и на смежныхъ стѣнахъ. Прусы и тараканы живутъ довольно друж-

---

*) Къ дѣдамъ считается обязательнымъ напечь хлѣба, при чемъ отложить небольшую булочку для старцевъ.

но другъ съ другомъ и совмѣстно предпринимаютъ ночныя экскурсіи на разложенный на столѣ хлѣбъ, переходя на нары, на палаты, ползаютъ по лицамъ спящихъ (разъ даже Перуну въ ухо тараканъ залѣзъ: правда, онъ тогда былъ выпивши), подчищаютъ миски и ложки, если онѣ стоятъ на „загнетѣ“. Перуниха давно уже истощила всѣ мѣры борьбы съ этими насѣкомыми, морила ихъ голодомъ, обливала керосиномъ съ кипяткомъ и даже со всѣмъ скарбомъ—живымъ и мертвымъ инвентаремъ—переселялась въ „истопку“ на цѣлую недѣлю, надѣясь, что эти насѣкомыя поѣдятъ другъ друга съ голоду, но прусы и тараканы, хотъ и значительно похудали, однако-жь не вывелись. Жаль только—Пахомъ Давгонось далеко живетъ: онъ бы скоро ихъ выгналъ. Вы слышали, конечно, что стоитъ только Пахому сказать пару теплыхъ словъ по адресу вышеозначенныхъ „кузурыкъ“, какъ они провалились бы „скрозь донна“... Ганна, принясь за обыкновенную мѣру, облила ихъ кипяткомъ и выругала ихъ „на чемъ свѣтъ стоитъ“: „кабъ вы почернѣли, кабъ вы повыдохли, кабъ васъ халерія задала“ и проч.

Дѣтворя, успѣвшая сбѣгать къ рѣкѣ, настроившая много домовъ изъ песку, осмотрѣвши вороньи гнѣзды, опять ворвалась въ хату и тотчасъ поднялись крики: „Мама! ѣсть хочу... Ма-а-

ма-а! хлѣ-ѣ-ѣ-б-ца!“ Маленькая Авгинья вся покрыта болячками. Руки ея грязны, длинная-длинная рубашка внизу совсѣмъ оборвана... Авгинья „навзрыдь“ плачетъ и утираетъ слезы руками. Просковья отгоняетъ ее отъ себя, но дѣвочка „вцупилась“ въ платье матери такъ крѣпко, что, казалось, никто бы ее не могъ оторвать. 8-лѣтній Василекъ, первый забіяка въ деревнѣ, съ другой стороны приступалъ на бѣдную Просковью и сбивалъ ее со всѣхъ позицій.

— „Да, тиху вы, ашалѣлы! Чаго пристали? отбивалась она отъ дѣтвора. Ы-ы-ы! ревутъ чертеняты!.. Вотъ возьму вѣникъ... Бери, Василь, Авгинню... Ну!.. Подождете и до вечера... Подъяете, хоть лопните, духъ съ васъ вонъ!..“

— „Не лѣзь на печь, Егорка, отбивалась въ свою очередь и Ганна отъ своего сына: не лѣзь, а то котель обернешь...“

— „Бѣги на дворъ! крикнула Перуниха, обливая кипяткомъ стѣны. Что на васъ упаду сегодня нѣтъ?!.. Бѣги, а не то отлуплю!..“

Слова бабы подѣйствовали. Егорка неоднократно имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что значитъ устраивать стачку противъ бабы, а потому, захвативъ съ собой товарищей, перекувыркнулся черезъ порогъ и всѣ побѣжали къ дѣду, который топилъ баню. Дѣдъ—защита отъ всевозможныхъ нападеній. Ребята несутъ ему и горе,

и радость. Сейчасъ посыпались жалобы на жестокость матерей.

— „Я имъ задамъ, утѣшалъ ребятъ дѣдъ... У-у!.. Я имъ... Вотъ вечеромъ я васъ накормлю... Яечни? И яечни дамъ... Много дамъ!.. Во, сколько дамъ... Ходишь, Василекъ, ко мнѣ... Ну, не плачь же, не плачь... Ну, чаго жъ ты, Авгиня!.. Дай носъ вытрю... Не плачь же, рыбка моя!.. Во-во... И яечни дамъ... Мно-о-го дамъ... Ну, слушайте, я вамъ пѣсю спою...“

Дѣдъ, взявъ соломинку въ ротъ и началъ пѣть:

Чиѣкъ-чикъ-чикалачки,
Ѣхау жижики на палочки,
Пытаицца Василя,
Ти далека до села?..
Василь кажить три версты,
Василиха четыре...
Василиха Василя
Палойникомъ замила...

III.

Справившись съ хатой, бабы принялись хлопотать около печи. Меню сегодняшняго ужина, крокъ кутьи, юшки и клецикъ, составляютъ „получастое“ и яичница на молокъ. Какъ видите, и около печки работы довольно, „хоть отбавляй“.

Ведерный котель стоитъ уже на загнетѣ. Перуниха принесла большую „лубку“ ячныхъ крупъ, всыпала для будущей кутьи и при помощи Ган-

ны препроводила его въ печь. По такому же маршруту отиравились въ печь горшокъ юшки и котель „клецикъ“, приготовленныхъ съ „душами“ *). Сквороды подчищались, миски вымывались, мясо для „поличастаго“ выбрано изъ всего подсвинка самое лучшее, прибавлено луку, перцу и поставлено на жаръ. А когда все сварилось и поджарилось, тогда принялись за хлѣбъ. Дежу съ раствореннымъ хлѣбомъ чуть-чуть сняли „всей семьей“ съ печи. Пудовыя булки чистаго хлѣба стали занимать самыя теплыя мѣста въ печи.

Вошелъ дѣдъ.

— Ну не позднитесь, бабы! сказалъ онъ, кладя уголь въ пишку. Солнце за токъ пряецца!..

Хозяйки заторопились. Орудія стряпни начали постепенно занимать свои мѣста. Загнетъ сметенъ. Ложки и миски разставлены на топчанѣ. Только огромные вороха одежды и различныя постельныя принадлежности остаются въ хаотическомъ состояніи.

— „Ну, хула ***) Табѣ, Божа, кажись усѣ“, съ облегченнымъ сердцемъ вздохнула Перуниха. „Поставь ты, Ганна, поличастое... Повороти къ

---

*) Начиненныхъ саломъ.

**) Слава.

мисѣ... Во-во... Таперъ сходи у кубель и возьми чистую скатерку... Тую, што у клѣткахъ... И застели на столъ...”

...Баня вытоплена. Мужчины сидятъ на полку въ первомъ духу и стараются вызвать на тѣлѣ потъ. По мѣрѣ же увеличенія температуры болѣе слабые изъ публики начинаютъ сыривать на вторую ступеньку, а ребята закрываютъ глаза и совсѣмъ прикорчиваются къ землѣ. Духу довольно! Всѣмъ хватить! На полку остался одинъ Перунъ и принялся „хвастаться“ *). Хвастаясь, Перунъ то согинается въ дугу, то принимаетъ горизонтальное положеніе, со „всей силы“ ударяетъ по тѣлу и при этомъ на разные лады охаетъ и ахаетъ. О-о-о!—е-е-е! Ду-у-шокъ! Зд...о-о-оровъ!... А-я-я! Егоръ, пр-р-ибавъ еще! Во-во-во!... слышится его надтреснувшаяся фистула.

Публика, по обыкновенію выражаетъ должную дань удивленія Перуновой крѣпости.

— „Здаровъ, Перунъ, зда-о-ровъ!“ замѣтилъ, между прочимъ, Базылъ—сосѣдъ Перуна. „Мнѣ не вытривать ***) столько... А енѣ куды старѣй мене... Ста-арѣй!... Еще якъ при покойники старшинѣ писарѣ магазынѣ ти то скрутіу, ти то спэн-

---

*) Париться.

**) Не вытерпѣть.

діу куды, енъ за старосту быу... А тады я еще на Ганнѣ на своей не жавіуся"... „А Перунъ продолжалъ „хвастаться“ и, когда ослабѣвалъ, выходилъ въ предбанникъ, пластомъ растягивался на землѣ, издавая при этомъ отчаянные охи и ахи, кашлялъ и отплевывался на разные манеры и хвалилъ хорошій духъ. Въ эти антракты публика слѣдовала примѣру лѣда, но температура была понижаема на 20 градусовъ.

Раскаленные тѣла принялись мыться только тогда, когда Егоръ заявилъ, что довольно „духъ по пустому выгонять“, пусть бабамъ останется. Мыться приходится изъ одного большого корыта, въ которомъ вода согрѣвается раскаленными камнями, а шаекъ и „въ поминѣ“ не бываетъ. Да и на что шайки, судите сами, когда можно пригоршнями хватать воду изъ корыта, вѣдь, стоитъ только похвастаться хорошенько и грязь сама-собою сойдетъ съ грѣшнаго тѣла. Всѣ спѣшатъ, какъ бы скорѣй вырваться на холодъ. Въ предбанникѣ слышны общія побрякиванія и аханія, и вскорѣ вся компанія расходится домой, благодаря хозяина за „добрую пару“.

Теперь очередь за бабами.

Бабы завязали головы наглухо (на „дѣды“ головы мыть строго воспрещается) и, заворотивъ въ армяки своихъ малыхъ ребятъ, предоставили своихъ грудныхъ ребятъ убаюкивать мужчинамъ.

Ожидать бабъ пришлось довольно долго: извѣстно, бабы не столько моются, сколько „телеп-каются“. Въ хатѣ слышится пріятный запахъ отъ скверушагося „поличастаго“, и истощенные голодомъ и „хвастаньемъ“ мужчины испытываютъ нѣкотораго рода неловкое положеніе, а у дѣда даже подъ ложечкой закололо. Онъ сплюнулъ съ досады и въ двадцатый разъ „подпаливалъ“ свою пипку.

— „Ти скоро ты торбы размыюцца, кабъ ихъ...“, съ досадою сказалъ онъ и началъ выколачивать пепелъ изъ пипки. Наступила пауза. Егоръ и Банадысь сидятъ на нарахъ противъ колысокъ и стараются усыпить своихъ ребятъ. На печи всхлипываетъ Василекъ, получившій взбучку отъ батьки за то, что слишкомъ энергично требовалъ „хлѣбца“.

Чу, стукъ! — бабы! Слава, Тебѣ, Господи! Наконецъ-то!

Ввалились бабы. Лица ихъ красны, глаза горятъ. Разгрузились бабы и все „шуримъ-бурымъ“ разбросали на нарахъ (вѣшать одежду на гвоздь и на крюкъ воспрещается).

IV.

Долго не думая, дѣдъ зажегъ восковую „грамничную“ свѣчку и прилепилъ ее предъ переднимъ „богомъ“. Началась молитва. Молитвы читались всѣ, кто сколько зналъ, отъ „Цару“ и

„Войчи“ до десяти заповѣдей вѣлчительно. Перунъ особенно усердно ударялъ въ грудь и помянулъ и самыхъ старыхъ и новѣйшихъ дѣдовъ и, когда кончилъ, громко откашлялся, чихнулъ, погасилъ свѣчку и полѣзъ за столъ въ самый уголъ. За нимъ начали размѣшаться и всѣ его домочадцы. Перуниха поставила на 1-е кутью съ саломъ. Всѣ просіяли. Дѣти въ восторгѣ. Дѣдъ на кутьѣ сдѣлалъ ложкой начертаніе креста и, „покоштавау“, опустилъ руки. Его примѣру послѣдовалъ и мужской, и женскій персоналъ, за исключеніемъ стронгиваго Егорки, который налегъ всѣмъ тѣломъ на столъ и чуть-чуть не схватилъ еще ложку кутьи.

— „Што ты суеся, остановилъ его дѣдъ: не видишь, што ложки положить надо *)... Вотъ ростешь дурнемъ, дурнемъ и помрешь... Смотри на старшихъ и научайся...“

Дѣдъ повернулся къ окну, взялъ бутылку горѣлки, налилъ въ рюмку и, преподнося къ губамъ, перекрестился и во всеуслышаніе произнесъ:

— „Ну, нихай же со святыми отпочиваютъ!.. Дай же имъ Боженька рай свѣтлый и анеловъ на удѣлахъ!...“

---

*) Положить ложки надо, потому что въ этотъ моментъ являются дѣды и понемногу „откаштовываютъ“.

Рюмка стала переходить изъ рукъ въ руки и каждый считалъ нужнымъ высказать свои пожеланія „змардлымъ душамъ“. Мужчины побрякивали, утирали усы рукавами, а бабы морщились, „перхекали“ и причитывали по адресу дѣловъ по-своему. Ребятамъ тоже перепало по рюмкѣ, но они требовали себѣ „еще хоть тросѣчку...“ Просковья не забыла и своей крошечной „рыбочки“ въ колыскѣ: она старалась влить ей хоть капельку.

— „Ну-ну, моя рыбочка, ну, выпей же, золотая“, нѣжно говорила она, придерживая ее маленькую головку.

Рыбочка чихаетъ, кашляетъ и раздражается отчаяннымъ крикомъ.

— „Ну-жъ, ну, боли не буду... Вотъ и на здоровьика, моя котинька!...“

— „Ну, зачѣмъ ты суешь ей водку“, нетерпѣливо замѣтилъ Егоръ. „Малый ребенокъ“...

— „А якъ же ты думаешь“, возразила Просковья съ азартомъ: „усякому человѣку поспытать нужно на дѣды“.

— „Нихай выпить“, счелъ нужнымъ вмѣшаться дѣдъ: „здоровѣй будить... Гэта ничего... Давнѣй моя матка и не столько ульеть и жиу быу, а ты чуть увидіу, тычасъ и кричишь“...

— „Богъ вѣдаить, што гэта съ Егоромъ становится“, добавила въ свою очередь и Перуниха: „бывало и человѣкъ, якъ человѣкъ быу“...

— „Пошоу по заработкахъ“, разъясняль дѣдъ: ну и отъ „постанововъ отцовскихъ“ отошоу... Начау мудрить... Табѣ усе смѣхъ... Смѣйся на свою голову!... Нечего зубы скалить!.. А хто дѣдовъ не уважайтъ, тому усякъ бываить...“

...А якъ у Трохима и горѣлки и кутьи поставили на вокнѣ, дыкъ гдѣ усе подѣлася? Штѣ?! Разѣ не дѣды приходили?... Ночлежники?... Правда было... Якіи тамъ ночлежники?.. Мало што мальцы казали... Вѣрь ты мальчикамъ...

... Гляди, зубоскаль, кабѣ табѣ штѣ... Ня помнишь, якъ мнѣ приключилося...

Неприятный инцидентъ былъ разсѣянъ, когда появилась вмѣсто кутьи „юшка“. Мясо поставлено отдѣльно на досточкѣ. Послышалось энергичное „чавканье“ съ прихлибованіемъ. Ребята съ остервененіемъ хватають по куску мяса и моментально уничтожаютъ, выпачкивая себѣ лицо до ушей.

— „Ѣшьте, Ѣшьте, уговаривала Церуниха, сейчасъ еще подолью“...

За юшкой послѣдовали клецки. Клецки настолько тяжеловѣсны, что ребятамъ пришлось вооружиться щепочками изъ лучинки и этимъ орудіемъ удерживать ихъ, а другой рукой захлибывать юшкой. Клецки значительно заставили приватужиться затрапезниковъ и, когда Просковья полѣзла въ печь за поличастымъ, мужчины немножко распоясались. Лица стали красны, потъ

катился градомъ. Какъ извѣстно, поличастое было приготовлено и искусно и вкусно. Никто бы, кажется, не отказался откушать.

Дѣдъ раскрылъ его на части и чавканье опять водворилось.

— „Ну, что жъ, Банадысь“, обратилась Ганна къ своему мужу, высокому, здоровому мужчинѣ, одному изъ лучшихъ потребителей сегодняшняго ужина: „бери еще... бери, бери лопатку... Не Богъ вѣдаить, коли гэта бываить... Во-во“.

Поличастое еще больше отяготило желудки. Позѣвываніе стало переходить отъ одного къ другому, а Василекъ и совсѣмъ заснулъ на рукахъ своей матери.

— „Ну, проснися жъ, мой соколикъ“, будила его мать. „Проснися. Во и ячня сичасъ... Во, гляди: баба несетъ“.

Дѣйствительно, Перуниха торжественно несла застуженную, подрумянившую яичницу.

Затрапезники принатужились до послѣдняго градуса, лѣниво протягивали ложки къ рѣшетообразной мискѣ и чуть не до дна осушили.

— „Хула, Табѣ, Господи“, набожно произнесъ дѣдъ: „неси тапера, баба, воды“.

Баба принесла кружку и всѣ поочередно утоляли жажду, а затѣмъ встали и начали креститься, благодаря Бога, что помянули, какъ слѣдуетъ добрымъ людямъ, дѣдовъ. Мужчины тот-

часъ же направились въ нарамъ. Они едва удерживались на ногахъ, а Банадысь даже о печь приперся, чтобы не упасть.

Взобравшись на нары, всѣ растянулись во всю длину вверхъ животами, тяжело дышали и крестили рты. А что касается дѣда, то онъ, по обыкновенію, взобрался на печь и тотчасъ же предалъ себя въ объятія Мороея, твердо убѣжденный, что никакая сила не подниметъ теперь его, столько потрудившагося во славу дѣдовъ-небошиковъ.

Хозяйки, утомленныя дневными хлопотами и отягощенныя яствами, рѣшительно не въ состояніи были убирать со стола. Да и хорошо сдѣлали: можетъ быть пожелають дѣды откушать, а пока ихъ нѣтъ, нагрянула огромная стая прусовъ и таракановъ.

А. П—ко.

(Отдѣльные оттиски изъ №№ 76, 77 и 78
„Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“).

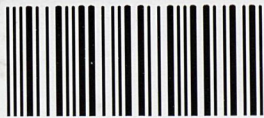
Печатано въ Витебской Губернской Типо-Литографіи.

О П Е Ч А Т К И:

напечатано:

нужно:

4	стр.	17	строка	дукая	дурная
6	—	27	—	баба, горѣлки	баба, а горѣлки
7	—	2	—	выхварѣить	выхварѣй
8	—	18	—	дѣдамъ... „Легко	дѣдамъ „легко
9	—	сноска		быбкой	бойкой
14	—	18	—	замила	затила
17	—	2	—	„А Перунъ	А Перунъ

2007042189